

Неумение двигать бёдрами делало эту юбку неподходящей — чуть больше движений, и она выглядела бы вульгарно и непристойно, чуть меньше — терялась грация женского силуэта. Естественно, те, чья фигура была далека от идеала, тоже не могли её носить.

В Цинь-Чжоу, где царили свободные нравы, и мужчины, и женщины стремились к наслаждениям: что вкусно, как весело провести время, что красиво — всё это перенимали и повторяли. Однако старшее поколение чиновников не одобряло подобные наряды, а знатные семьи запрещали своим родственницам их носить. Устные запреты не помогали — юбка продолжала пользоваться бешеной популярностью в народе, и даже дочери чиновников тайком покупали её и примеряли в своих покоях.

Ли Удуань жил в Цзянчжоу, глубинке Цинь-Чжоу, где такие юбки были редкостью. Он лишь слышал о них от коллег, часто посещавших винные дома и публичные заведения. Увидев Цзи Сы в такой юбке, он восхитился ею, но без какого-либо непристойного умысла.

Эта женщина казалась слишком возвышенной, её облик и манера держаться отталкивали. В её взгляде уже читалась надменность, и, будь она чуть старше, её благородство, вероятно, заставило бы отводить взгляд.

За столом не разговаривают, во время сна не говорят. Ли Удуань наблюдал, как Цзи Сы накладывает блюда Цинь Цзюнь, и несколько раз хотел спросить, где же та самая наложница. По внешнему виду он начал подозревать, что Цзи Сы и есть та самая наложница, но, присмотревшись, снова усомнился. В сомнениях он провёл весь обед, не находя покоя.

Цинь Куан же казался потерянным в своих мыслях. То он выглядел растерянным, то сожалеющим, то смеющимся, то считающим всё происходящее абсурдным. Его лицо сменяло множество выражений.

Был январь, самый холодный месяц в году. Цинь Цзюнь, выпив полмиски куриного бульона, наконец согрелась. Она бросила взгляд на пристально смотрящего Ли Удуаня и на печальное лицо Цинь Куана. Суп уже подступал к горлу, но она не знала, как начать разговор.

Они пришли, конечно же, чтобы расспросить о пирушке с цветами сливы.

Ли Удуань и Цинь Куан почти не притронулись к еде, лишь немного перекусили, ожидая, когда Цинь Цзюнь закончит, чтобы приступить к допросу.

Всё из-за тебя, — мысленно бросила Цинь Цзюнь взгляд на Цзи Сы.

Цзи Сы неправильно поняла её. Она взяла миску из рук Цинь Цзюнь, двумя пальцами левой руки приподняла ей подбородок, а правой достала из-за пояса шёлковый платок и, словно никого вокруг не было, начала аккуратно вытирать ей губы.

Цинь Цзюнь: «...»

Ли Удуань остолбенел.

Цинь Куан закипел от гнева.

Цинь Цзюнь нервно засмеялась, выхватила платок:

— Я сама.

Цзи Сы стояла рядом, с улыбкой наблюдая за ней.

Даже служанки так не ухаживают за госпожой — вытирают губы, подают воду и полотенце. Но ведь у хозяйки есть руки, она может сделать всё сама.

Ли Удуань нахмурился:

— Цзюнь, не будь такой ленивой.

Видимо, в Верхней столице дворяне привыкли к роскоши. Ли Удуань впервые видел, чтобы блюда клали в миску, а губы вытирали чужими руками. Такую изнеженность и разврат давно пора было запретить!

Цинь Куан, по непонятной причине, фыркнул:

— Ха.

Ли Удуань посмотрел на него с ещё большим осуждением.

Цинь Цзюнь была в недоумении, её взгляд метнулся к Цзи Сы, и она снова украдкой бросила на неё взгляд: «...»

Цзи Сы слегка улыбнулась:

— Госпожа, не переedayте.

Цинь Цзюнь: «...»

Она вовсе не хотела есть больше!

Цинь Цзюнь сжала губы:

— Позовите слуг, пусть уберут.

Когда стол убрали и все насытились, настало время перейти к делу.

Цзиньсю вошла в зал, чтобы прислуживать Цинь Цзюнь. Её правая рука была перевязана, и она, поклонившись, встала рядом с Цзи Сы по левую руку от госпожи.

— Цзиньсю, что с твоей рукой? — поинтересовался Ли Удуань.

— Недавно упала, — ответила Цзиньсю.

За дверью мелькнула тень, так быстро, что показалось, будто это иллюзия.

Ли Удуань нахмурился, решив, что это ему просто показалось.

— Кузен, зачем ты пришёл так поздно? — спросила Цинь Цзюнь.

Ли Удуань незаметно взглянул на Цзи Сы, потом на Цинь Куана:

— Пусть брат Цинь первый скажет.

— Скажу так скажу, — Цинь Куан обратился к Цинь Цзюнь. — Четвёртый брат спрашивает, как Пинь-нян оказалась в твоём доме? Ты знаешь её происхождение?

Цинь Цзюнь промямлила, слегка смутившись:

— Случайно спасла, раньше не знала, кто она. А что?

Цинь Куан многозначительно посмотрел на Цзи Сы и торопливо сказал:

— Тогда... тогда ты знаешь, что она...

«Она наложница», — мысленно добавил Ли Удуань. Подумал, что лучше, если это скажет её родной брат. Видимо, Цзюнь, живя в Верхней столице без родственников, рано потеряв мать и не получив должного воспитания, переняла дурную привычку держать наложниц. Если бы у него была семья, эту тему могла бы поднять жена Цзюнь.

Цинь Куан продолжил:

— Она же та, о ком я тебе говорил...

Ли Удуань не расслышал, но согласно кивнул, думая, что после такого урока, если Цзюнь одумается, а он мягко её уговорит, можно будет найти для этой женщины в Цзянчжоу порядочного мужа и мирно развестись.

Цинь Куан покраснел, слова «объект моей любви» застряли у него в горле. Вспомнив, что женщина, которую он так долго любил, стала наложницей его сестры... его сердце сжалось!

Он дни напролёт не мог ни есть, ни спать, и Цинь Цзюнь, навещая его, видела его в таком жалком состоянии... Нет, нет, Цзюнь не знала, что Пинь-нян — его возлюбленная. После пожара в Нефритовом тереме, почему он не смог найти Пинь-нян? Неужели кто-то вмешался?

Ли Удуань вздохнул, положил руку на плечо Цинь Куана и похлопал, чтобы успокоить:

— Видишь, в каком состоянии брат Цинь? Это не то, о чём мы с тобой должны говорить.

Цинь Куан был в смятении, разрываясь между благодарностью к Цинь Цзюнь за спасение Цзи Сы и обидой на то, что она, возможно, помешала ему найти её.

Цинь Цзюнь смущённо улыбнулась и помахала рукой Цзи Сы, давая знак уйти.

Цзи Сы вышла из зала, а Цинь Куан не сводил с неё глаз, чувствуя, как его сердце разрывается от тоски.

Увидев, что Цинь Цзюнь отправила Цзи Сы, Ли Удуань решил, что она смущена, и начал увещевать:

— Цзюнь, ты слишком смела. Взять такую женщину на пир слив — это одно, но устроить такой скандал, чтобы об этом узнал весь мир?

Цинь Куан вздрогнул:

— Весь мир...

Брат и сестра ссорятся из-за женщины? Как смешно!

— Смешно! — внезапно взорвался Цинь Куан, размахнувшись и смахнув со стола чашки, которые с грохотом разбились о пол.

Ли Удуань удивился:

— Брат Цинь! Успокойся!

— Цзюнь! — Ли Удуань встал. — Признай свою ошибку.

Цинь Цзюнь: «...»

Отбирать чужую любовь было неправильно. Цинь Цзюнь встала, собираясь заговорить.

Цзиньсю сказала:

— Просто держать женщину, князь и наследник, не стоит так шуметь.

Ли Удуань: «...»

Цинь Куан: «...»

Цинь Цзюнь тихо вздохнула.

Даже Ли Удуань не смог сдержать гнев:

— Тётя Цзиньсю, как ты можешь так говорить... Это же не простая женщина! Это наложница!

— Вздор! — закричал Цинь Куан. — Как ты смеешь называть Пинь-нян наложницей!

В зале воцарилась тишина.

Ли Удуань опешил:

— Что?

Цинь Куан, красный как рак, закричал:

— Пинь-нян чиста, как ты смеешь оскорблять её!

Цинь Цзюнь: «...»

Эх, — Цинь Цзюнь махнула рукой.

— Вот ты какой, Цинь Куан! — Ли Удуань закричал в ответ. — Не зря я, встретив тебя у ворот, подумал, что ты пришёл посмотреть на спектакль. Увидев эту женщину, ты стал словно потерянный, и я решил, что ты наконец повзрослел! Оказывается, ты тоже был её поклонником! Ты и Цзюнь...

Цинь Куан тут же посмотрел на Цинь Цзюнь:

— Между мной и Пинь-нян ничего не было!

Цинь Цзюнь закрыла лицо рукой, сокрушённо вздохнув.

Ли Удуань всё больше злился:

— Ты... просто... эта Верхняя столица... она гнилая... Я заберу Цзюнь обратно в Цзянчжоу!

Цинь Куан тут же возразил:

— Нет! Цзюнь не может ехать в Цзянчжоу, чтобы страдать!

— Какое там страдание!

Ли Удуань и Цинь Куан начали спорить. Один упрекал другого в беспечности и разврате, другой — в занудстве и морализаторстве. Их крики так утомили Цинь Цзюнь, что она не могла больше этого выносить.

— Хватит, — вдруг сказала Цинь Цзюнь. — Прекратите!

Ли Удуань и Цинь Куан уставились друг на друга, раздувая ноздри, готовые броситься в драку, но в итоге лишь развернулись спинами и замолчали.

Цинь Цзюнь прочистила горло:

— Кузен, четвёртый брат, Пинь-нян действительно моя служанка, но всё не так, как вы думаете.

— Я просто пожалела её и взяла к себе, — сказала Цинь Цзюнь.

Ли Удуань развернул рукав:

— Эту женщину нельзя оставлять, отправь её, если она хочет найти хорошего мужа...

Цинь Куан тут же оживился:

— В резиденции князя Кана не хватает служанки.

Ли Удуань:

— Цинь Куан! Ты безнадежен, только о женщинах и думаешь...

<http://bllate.org/book/16274/1465182>